

Ян Шицзинь посмотрел на Ян Шицина и тоже улыбнулся. Наконец он сказал: «Шицин, я всегда надеялся, что ты станешь крепче и сможешь, как настоящий мужчина, встретить любую трудность. Я хочу сказать тебе вот что... Ты уже вырос в настоящего парня. Тебе больше нельзя, как раньше, отворачиваться от семейных дел. Ты должен взять на себя ответственность и играть свою роль, даже если она тебе не по душе. А самое главное — ты не должен огорчать женщин в семье. Сейчас это мама, а потом — твоя жена, твоя дочь. Это первый шаг к взрослению.»

Ян Шицин смотрел в глаза брату, и все его извинения и объяснения растаяли в так и не произнесённых словах. В конце концов он лишь твёрдо кивнул.

Когда Ян Шицин вернулся домой, мама Ян уже отдыхала. Наверное, чтобы избежать столкновения, она сделала всё, чтобы не допустить ссоры. Ян Шицин всё это видел.

Папа Ян сидел в гостиной. Как только Ян Шицзинь привёз Шицина домой, отец приготовил ему миску лапши на ночь.

Шицин доел лапшу. Папа, всё это время сидевший рядом, невольно улыбнулся, ласково потрепал его по голове и сказал: «Ничего, сынок, не парься.»

Шицин поднял голову. Вспомнив сложное выражение на лице мамы вчера, он снова почувствовал тяжесть на душе. «Пап, прости...»

«Всё в порядке, всё в порядке, — похлопал его по плечу отец. — Просто возьми себя в руки, а обо всём остальном не думай слишком много. Шицин, мы с мамой и брат — мы всегда на твоей стороне, мы твоя опора.»

Посреди урока Шицина вызвал ученик из параллельного класса, сказав, что его ждут в кабинете английского.

Шицин пришёл в учительскую и увидел то, что запомнил на всю жизнь.

Папа и мама стояли у учительского стола, оба с опущенными головами, с покорным видом. Лю Чжичунь сидел по другую сторону стола, высоко закинув ногу на ногу, и смотрел на Шицина в дверях. А в дальнем углу стола лежала большая пёстрая коробка с биодобавками и чаем.

Объяснений не требовалось. Шицин всё понял с первого взгляда. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что его любимые родители приползут с красным конвертом, чтобы униженно кланяться его самому ненавистному учителю. Даже несмотря на то, что в кабинете больше никого не было, Шицину казалось, будто по его лицу громко ударили дважды. Ему дико захотелось броситься вперёд, разнести в щепки эту омерзительную кучу добавок и закричать: «Мама, папа, что вы делаете?!» Но изо всех сил он не мог выдавить ни звука — горло сдавила горечь, а ноги будто налились свинцом и не двигались.

Под глазами у мамы Ян были тяжёлые мешки, но она из последних сил улыбалась и заискивала перед Лю Чжичунем: «Учитель Лю, Шицин дома нам уже всё пообещал, больше никогда не будет безобразничать, обязательно будет активно участвовать в вашей работе. Пожалуйста, учитель, дайте ему ещё один шанс! Пусть останется в классе В, будет хорошо учиться, не упустит гаокао.»

С каждым маминым словом сердце Шицина сжималось от боли. Но он изо всех сил сосредоточился, сдерживая слёзы, — ни за что не позволит себе ударить в грязь лицом перед Лю Чжичунем.

Лю Чжичунь взглянул на Шицина и вздохнул: «Шицин, мальчик в душе-то неплохой, вот только совсем себя не контролирует. Если так пойдёт и дальше, он всю общую атмосферу в классе испортит!»

«Нет, нет! — мама Ян забеспокоилась, отступила на шаг и дёрнула Шицина за рукав. — Шицин, если понял свою ошибку, обязательно исправится. Если вы, учитель, будете его направлять, он уж точно больше не провинится, правда?»

Шицин закусил губу и кивнул.

Мама подтолкнула его в спину. Шицин сделал шаг вперёд, глубоко вздохнул: «...Учитель, простите.»

Хорошо, что сейчас было время урока. Хорошо, что в учительской не было посторонних учеников... Иначе Шицину действительно было бы нечем прикрыться.

Папа Ян тоже вздохнул сбоку: «Учитель Лю, конечно, ребёнок нарушал дисциплину, это его вина, но до безнадёжности всё же не дошло. Голова у Шицина светлая. Если вы, учитель, согласитесь дать ему ещё один шанс, он обязательно исправится, сосредоточится на подготовке к гаокао и принесёт славу классу.»

Лю Чжичунь посмотрел на Шицина: «Шицин и вправду проявляет себя активно в классных мероприятиях, но ведь уже третий класс. Мы всё же надеемся, что он соберётся и направит все силы на гаокао.»

Папа кивнул в знак согласия: «Вы совершенно правы, насчёт этого мы его обязательно проучим.» С этими словами он подошёл ближе, и его ладонь как бы невзначай легла на край стола, откуда выглядывал уголок тёмно-красного бумажного конверта. «Учитель, это наша маленькая благодарность за то, что вы всё это время растили Шицина...»

Лю Чжичунь взглянул и вдруг улыбнулся, но в улыбке не было злобы: «Господин Ян, да вы же меня в неловкое положение ставите? Эту вещь я принять не могу.»

Мама и папа переглянулись. В конце концов папа несколько раз кашлянул, неловким движением убрал конверт и снова улыбнулся: «Простите за беспокойство.»

Для Шицина всё это было невыносимо режущим глаза, словно острый отравленный клинок, причиняющий жгучую боль.

Лю Чжичунь ещё какое-то время молчал. Супруги Ян стояли в тревожном ожидании, словно провинившиеся дети. Наконец Лю Чжичунь вытащил из ящика стола несколько табелей успеваемости, изучил рейтинги и оценки Шицина за этот период и надолго замолчал. У Шицина уже ладони вспотели.

Только тогда Лю Чжичунь заговорил: «У Шицина и вправду есть некоторый потенциал. Теперь всё зависит от того, что сам ребёнок думает.» С этими словами он поднял взгляд на Шицина.

У Шицина в горле застрял ком, сердце сжала острая боль, ему казалось, будто в него впились сотни обжигающих взглядов. Но выбора у него не было. Стиснув зубы, он склонился в поклоне перед Лю Чжичунем:

«Учитель, раньше я был слишком глуп и не понимал... Прошу вашего прощения. Впредь я обязательно буду соблюдать дисциплину, прилежно учиться и сосредоточусь на гаокао.»

Пожалуйста — позвольте мне остаться!»

Лю Чжичунь посмотрел на него и кивнул: «Надеюсь, ты исполнишь свои обещания.»

Как раз прозвенел звонок с урока, настало время большой перемены.

«Мама, — глядя, как мама Ян вынимает из термосумки одну за другой миски, полные еды, Шицин не выдержал и спросил, — как долго вы тут были?»

Мама взглянула на него и, не отвечая, продолжила раскладывать. Шицин посмотрел на папу. Тот улыбнулся: «Не так уж и долго. Сейчас этот этап пройден, тебе больше не нужно переживать о переводе в другой класс.»

Сколько же вы на это потратили? Шицин не смог вымолвить.

Семья обедала под виноградной беседкой. Мама Ян переложила две трети риса из термоса в миску Шицина. «Ешь скорее, а то остынет.»

«Папа, мама, вы уже поели?»

Мама промолчала. Шицин тут же переложил большую часть риса обратно в мамину миску: «Мама, ешь ты. Я не голоден.»

Мама нахмурилась: «Мы — ничего, проголодаемся — потом ещё перекусим. А тебе обязательно нужно наесться, чтобы днём на уроках были силы.»

Шицин покачал головой и ни за что не соглашался взять ещё хоть ложку. Он знал, что сейчас Ян Шицзинь должен быть в больнице, ухаживает за дядей, а мама, как только вернётся, сразу же помчится туда его сменить — на обед у неё времени просто не будет.

Мама Ян поставила миску и посмотрела Шицину в глаза. Смотрела-смотрела и вдруг не удержалась, тронула уголок его глаза: «Тебе уже восемнадцать, мужчина, а ты плачешь. Не стыдно?»

Шицин лишь качал головой. Слова «прости» вертелись у него на языке, но он так и не смог их выговорить.

Мама нежно провела пальцем по внешнему уголку его глаза, её лёгкое прикосновение давало невероятное чувство покоя. Шицин уже очень давно не испытывал ничего подобного. В его воспоминаниях, с тех пор как он вырос, мама всегда была встревоженной и резкой. Возможно, эта история действительно сильно на них повлияла...

<http://bllate.org/book/15950/1426230>